

Сборник рассказов

Книга 3

Диана Маргиева

Диана Маргиева

Сборник рассказов. Книга 3

«Автор»

2025

Маргиева Д.

Сборник рассказов. Книга 3 / Д. Маргиева — «Автор», 2025

Третья книга с рассказами о ведьмах, демонах, ангелах и о сверхъестественном. Хотите разнообразить свой вечер мистикой и фэнтези - книга точно для вас.

© Маргиева Д., 2025
© Автор, 2025

Содержание

Риэлтор Рея и Квартирный Вопрос	5
Радиостанция судного дня	27
Охота	34
Демон из палаты №9	40
Навязчивые гости	47
Чернила предков	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Диана Маргиева

Сборник рассказов. Книга 3

Риэлтор Рея и Квартирный Вопрос

Офис Реи Элмвуд располагался в старинном здании с подозрительно скрипучими полами и окнами, которые иногда сами по себе открывались.

На табличке у двери значилось:

«Рея Элмвуд. Недвижимость. Особые случаи».

Под особыми случаями предполагалась совсем не элитная недвижимость или нежилая со складами и магазинами.

На самом деле, Рея была ведьмой. Не той, что варит зелья из лягушек и летает на метле. Хотя, метла иногда пригождалась, когда лифт ломался или автомобиль. Она была той, что чувствует ауру домов, может уговорить замок открыться шёпотом и обладает нечеловеческим терпением к самым причудливым клиентам.

Её единственным сотрудником был черный кот по кличке Мортимер, который сидел на столе, делая вид, что читает документы, и время от времени фыркал.

Мортимер был фамильяром и обладал редким даром выражать полное презрение к человечеству, да и нечеловечеству тоже, одним лишь поворотом усатой морды.

Утро началось с визита графа Владислауса. Высокий, бледный мужчина в старомодном плаще, он скользнул в офис, словно тень, и уселся, избегая прямых солнечных лучей, пробивающих сквозь пыльное окно.

– Мадемуазель Рея, – прошипел он, его акцент был густым, как туман над болотом. – Мне нужна обитель. Место, где можно укрыться от этого жгучего шара в небе.

Рея кивнула, записывая в блокнот: Вампир.

Чувствительность к свету.

Требования: полная темнота, желательно подвал или очень плотные шторы. И отсутствие соседей, которые увлекаются чесноком или серебряными украшениями.

Граф вздрогнул.

– И никаких веселых, шумных праздников по ночам. Мой график сна своеобразен.

– Понимаю, граф. Никаких дискотек до утра, – заверила Рея. – У меня есть пара вариантов. Подземный бункер, переоборудованный под жильё, или старинный особняк с заколочен-

ными окнами и слухами о привидениях – привидения, кстати, отличные соседи, их почти не видно и не слышно.

Граф задумчиво похлопал пальцами по подлокотнику.

– Привидения... Интересно. Не будут ли они слишком прозрачными?

– Они вполне осязаемы в плане арендной платы, Граф, Вы разделите её пополам. – Сухо ответила Рея. Мортимер фыркнул.

Следующей была семья гоблинов – Гнарл, его жена Гризельда и их трое отпрысков, которые непрерывно хихикали и пытались стащить блестящие ручки со стола. Они были покрыты пылью и пахли чем-то средним между мокрой землей и старыми носками.

– Нам нужна берлога! – прокряхтел Гнарл, потирая ладони. – Много места для скраба! И чтоб никто не шастал! И чтоб можно было копать иногда!

– Скраб? – в недоумении переспросила Рея.

– Ну, всякое! Блестяшки! Кости! Старые ботинки! – Гнарл замахал руками, и из его кармана выпала чайная ложка и пробка от бутылки.

Рея записала:

Семья гоблинов.

Потребность в большом количестве места для «скраба» (хлама). Желательно уединённое место, с возможностью копания. Игнорировать запах.

– У меня есть вариант, – загадочно произнесла Рея, отложив ручку. – Старый заброшенный склад на окраине. Там много углов, пыли, и, кажется, предыдущие арендаторы оставили после себя много всего интересного.

Гоблины радостно зашумели.

– Склад! Скраб! Копать!

– Но никаких подземных туннелей под соседние участки, ясно? – строго добавила Рея.

Гнарл пообещал подумать об этом.

После гоблинов явился оборотень. Мистер Фенрис был обычным с виду мужчиной средних лет в твидовом пиджаке, но его глаза беспокойно бегали, а руки подрагивали.

– Мисс Элмвуд, – пробормотал он, ёрзая на стуле. – Мне нужно... место, где я не буду никому мешать. Особенно во время полнолуния.

Рея кивнула, понимая.

– Звукоизоляция. Очень хорошая звукоизоляция. И, возможно, немного пространства для физической активности? – со знанием вопроса уточнила ведьма.

– И чтоб стены были... крепкие, – добавил мистер Фенрис. – И мебель... не слишком хрупкая. Бывает она тоже ломается.

Рея записала:

Оборотень.

Нужна звукоизоляция (максимальная). Прочные стены и мебель. Желательно уединенное место или очень толерантные соседи.

– Есть один вариант, – сказала Рея, пролистывая каталог. – Переоборудованное бомбоубежище. Толстые стены, полная звукоизоляция. И там есть даже небольшой внутренний дворик, окруженный бетонным забором.

Мистер Фенрис просветлел.

– Бомбоубежище? Звучит очень надёжно.

– Более чем, – подтвердила Рея. – Соседей нет, кроме разве что парочки заблудших крыс, но вы, вероятно, с ними поладите.

Мистер Фенрис смущенно хихикнул.

Последним клиентом дня стал призрак. Он просто появился. В кресле напротив Реи. Полупрозрачный, с грустным выражением лица и в одежде, явно вышедшей из моды лет двести назад.

– Я... ищу место для обитания, – вздохнул призрак, его голос был похож на шелест сухих листьев. – Что-то с историей. С духом. Современные коробки меня не привлекают. Слишком живые.

Рея не моргнув глазом.

– Понимаю. Вам нужно место с хорошим энергетическим потоком. И, возможно, с предыдущими обитателями, с которыми можно обсудить вечность?

– И чтоб не было слишком много ремонтных работ, – добавил призрак. – Всё эти сверления... нарушают тонкие вибрации.

Рея записала:

Призрак.

Ищет место с историей, хорошей аурой, без современного ремонта. Желательно с другими призраками в комплекте.

– У меня есть как раз для Вас, – улыбнулась Рея. – Старинный дом на окраине города. Говорят, там живет целая семья привидений с XVI века. Они очень гостеприимны, хотя и немного старомодны. И там никто не делал ремонт уже лет сто.

Призрак оживился.

– Семья привидений? XVI век? О, это звучит перспективно!

День подошёл к концу. Рея откинулась на спинку стула, чувствуя лёгкое покалывание в кончиках пальцев – остаточный эффект от магических проверок объектов на пригодность для нестандартных клиентов.

Граф Владислаус нашёл свой тёмный подвал, гоблины радостно осваивали склад с его сокровищами, мистер Фенрис уже планировал, как усилить бетон в бомбоубежище, а призрак, похоже, завязал оживленную беседу с духом предыдущего владельца старого дома.

Мортимер спрыгнул со стола и потёрся о ноги Реи, затем запрыгнул ей на колени и свернулся клубком, урча.

– Хороший день, Мортимер, – пробормотала Рея, поглаживая его по голове. – Все при деле. Все нашли свой идеальный уголок.

Мортимер поднял голову, посмотрел на неё своими жёлтыми глазами и издал звук, подозрительно похожий на скептическое «Мур-р-рятина».

Рея вздохнула и потянулась за чашкой. На дне чашки, вместо кофейной гущи, виднелись какие-то странные символы. Кажется, это был прогноз на завтра – похоже, ей придется искать дерево с дуплом для лесного духа и болото с хорошим видом для Кикиморы.

– Ну что ж, – сказала она сама себе, делая глоток. – Работа есть работа.

И где-то в городе граф Владислаус мирно спал в своём гробу, гоблины сортировали найденные сокровища, мистер Фенрис репетировал рычание в полной звукоизоляции, а призрак спорил с привидением XVI века о преимуществах разных способов пугать жильцов.

А Рея Элмвуд, ведьма-риэлтор, готовилась к новым «особым случаям». Ведь идеальное жильё нужно всем – даже тем, у кого нет пульса.

Утро наступило не то чтобы обычное, но для Реи Элмвуд – вполне привычное. Солнечный свет пробивался сквозь зачарованное стекло, которое фильтровало не только ультрафиолет, но и нежелательные астральные помехи.

Мортимер, уже позавтракавший, скорее всего, чем-то, что не было в его миске, судя по подозрительно пустой полке с приворотными зельями, сидел на подоконнике и лениво наблюдал за птицами, которые, к его вечному разочарованию, умели летать.

Рея сварила себе крепкий травяной чай – не кофе, чтобы не перебивать с утра тонкие вибрации.

Взяла свою любимую чашку, ту самую, что иногда показывала будущее. Сделала глоток. Тёплый, горьковатый напиток приятно обжёг горло. Она поставила чашку на стол и заглянула внутрь.

Символы были чёткими. Извилистая линия, напоминающая корни или ветви, рядом с полым кругом. И чуть поодаль – нечто вроде неровного овала с точками внутри, определенно похожее на болото. Кофейная гуща вчера не обманула. Лесной дух. Кикимора.

– Значит, сегодня у нас денёк воссоединения с природой, Мортимер, – пробормотала Рея, почесывая кота за ухом.

Мортимер издал низкий, вибрирующий звук, который мог означать что угодно от «Надеюсь, они не пахнут мокрой шерстью» до «Не забудь купить мне ту вкусную рыбу».

Офис Реи располагался на тихой улочке, в здании, которое с виду ничем не отличалось от обычного. Никто не догадывался, что за вывеской «Рея Элмвуд. Недвижимость. Особые случаи» скрывается портал в мир, где стены могут двигаться, а дверные ручки иногда кусаются.

Правда, только по четвергам.

Первый клиент появился около десяти. Не позвонил, не постучал. Просто появился.

В воздухе запахло влажной землей и свежими листьями. Из невидимого водоворота опавшей листвы в центре комнаты медленно материализовалась фигура – высокая, гибкая, с кожей, напоминающей кору, и волосами, сплетенными из мха и тонких веток. Глаза, глубокие и зелёные, как лесные озера, оглядели офис с легкой настороженностью.

– Приветствую, госпожа Элмвуд, – прозвучал голос, похожий на шёпот ветра в кронах деревьев. – Я дух леса. Меня зовут Сильванус. Мне нужно новое место для обитания.

Рея кивнула, совершенно не удивляясь.

– Добрый день, Сильванус. Проходите, пожалуйста, присаживайтесь... – Рея неуверенно взглянула сначала на кресло, затем на ветки, торчащие в стороны, и добавила. – Если Вам удобно в кресле.

Сильванус неуверенно подошёл к креслу, словно опасаясь, что оно может его укусить. Он осторожно опустилсЯ, ветки его волос слегка зашуршали.

– Благодарю. Видите ли мой старый дом его срубили. – В его голосе прозвучала глубокая грусть. – Был такой старый дуб... с прекрасным дуплом. Идеальное место для медитаций и хранения особо ценных желудей.

– Понимаю, – сочувственно сказала Рея, доставая чистый бланк. – Вам нужно дерево. С дуплом. И, полагаю, в окружении природы, подальше от шума и бензопил?

– Именно! – Сильванус оживился. – Мне нужен покой. И хорошее дерево-сосед. Не люблю суетливые молодые берёзки. Предпочитаю мудрые, старые деревья. Сосны, дубы... те, что помнят времена, когда люди ещё не изобрели асфальт.

Рея записывала.

Лесной дух.

Ищет старое дерево, желательно дуб или сосна, с просторным дуплом. Тихое место, с хорошей древесной компанией.

– Без признаков цивилизации в радиусе... скажем, километра? – внимательно уточнила ведьма.

– Двух, если возможно, – поправил Сильванус.

– Двух, – исправила Рея. – Отлично. У меня есть пара вариантов, которые могут Вам подойти. У меня есть доступ к необычным картам местности.

Она протянула руку к полке, где стоял старинный глобус. Он выглядел обычным, но стоило Рее прикоснуться к нему, как континенты на нём начали медленно вращаться, а над некоторыми участками земли появилось мягкое, зеленоватое свечение.

– Это карта жизненной силы, – пояснила Рея Сильванусу. – Показывает места с сильной природной энергией и подходящие для обитания деревья.

Она водила пальцем по карте, глобус под рукой тихо гудел.

– Так... вот здесь, небольшой лесной массив за городом. Не парк, а скорее остаток древнего леса. Вижу несколько старых дубов... один из них помечен как особо полый. И... да, вокруг практически нет построек.

Сильванус наклонился, его глаза-озера светились интересом.

– Покажите.

Рея сосредоточилась, и над глобусом возникла полупрозрачная трёхмерная проекция выбранного участка леса. Сильванус ахнул.

– Этот дуб! – прошелестел он. – Я чувствую его мудрость! И дупло выглядит идеально! Достаточно большое для моих медитаций.

– Отлично, – улыбнулась Рея. – Я могу устроить осмотр. Это займет... ну, для Вас, вероятно, мгновение. Для меня – поездка на машине.

Сильванус кивнул.

– Я готов. Чем быстрее, тем лучше. Мне не терпится почувствовать корни другого дерева.

Пока Рея готовилась к выезду – брала ключи от служебного автомобиля (специально зачарованного, чтобы не привлекать внимания и проходить сквозь лёгкие иллюзии), Мортимер спрыгнул с подоконника и подошел к глобусу. Он обнюхал участок, который выбрала Рея, затем посмотрел на неё с тем же скептицизмом.

– Мур-р-р? – прозвучало в его исполнении, как будто он спрашивал: «Ты уверена, что там нет белок-мародёров?»

– Уверена, Мортимер, – вздохнула Рея. – Я проверила ауру. Белки там есть, но вежливые.

Сильванус, казалось, не заметил обмена репликами между ведьмой и котом. Он уже начал медленно растворяться в воздухе, превращаясь обратно в водоворот листьев.

– Я буду ждать Вас там, – прошепел его голос, прежде чем он полностью исчез.

Рея взяла сумку, ключи и направилась к двери. На дне чашки, оставленной на столе, символы лесного духа начали тускнеть. Но символ болота с точками, означающий Кикимору, стал ярче и кажется, слегка пузырился.

– Ну вот, – сказала Рея сама себе. – Первый пошёл. Осталось найти болото с хорошим видом. Интересно, что для Кикиморы считается хорошим видом? Наверное, что-то очень грязное и полное комаров.

Она вышла из офиса, оставив Мортимера сторожить приход Кикиморы.

Служебный автомобиль Реи – старенький, ничем не примечательный Вольво цвета мокрого асфальта – был, пожалуй, самым магически насыщенным транспортным средством в городе.

Он не летал и не превращался в золотую карету, но умел незаметно объезжать пробки, находить парковочные места, где их не было, и, главное, проезжать сквозь лёгкие иллюзии и магические барьеры, не вызывая подозрений у обывателей и не привлекая внимания у более осведомлённых существ.

Рея ехала за город, следуя невидимым ориентирам, которые ей подсказывал зачарованный GPS – не просто спутниковая навигация, а система, использующая потоки магической энергии и древние тропы. Дорога заняла не так много времени, как могла бы. Автомобиль словно сам знал, куда ехать, плавно скользя по изгибам шоссе.

Вскоре она свернула на проселочную дорогу, которая быстро превратилась в едва заметную колею, ведущую вглубь старого лесного массива. Воздух стал свежее, пахло хвоей и влажной землей. Шум города остался далеко позади.

Рея остановила машину у края небольшой поляны. Здесь не было никаких указателей, никаких тропинок. Только густая стена деревьев. Но Рея чувствовала это место. Чувствовала сильную, древнюю энергию, пульсирующую из самой земли.

Она вышла из машины. Тишина леса обволакивала, нарушаемая лишь пением птиц и шелестом листьев. И тут же, из тени гигантского папоротника, медленно проявилась фигура Сильвануса. Он выглядел менее напряженным, чем в офисе, словно уже ощутил близость родной стихии.

– Вы здесь, – прошепел он, его глаза-озера сфокусировались на ней.

– Я здесь, – подтвердила Рея.

Сильванус повел её вглубь леса. Они шли по мягкому мху и опавшей листве, минуя вековые сосны и ели. Лес здесь был по-настоящему старым – деревья казались гигантами, их кроны скрывали небо, а корни, похожие на лапы древних существ, цеплялись за землю.

Наконец, они вышли на небольшую, скрытую от посторонних глаз поляну. И там стоял ОН.

Огромный, величественный дуб.

Его ствол был шириной в несколько обхватов, кора – глубоко изрезанная морщинами времени. Крона раскинулась так широко, что создавала под собой целое царство тени. И сбоку, на высоте примерно трёх метров, зияло дупло – не просто дыра, а настоящее отверстие, достаточно большое, чтобы в него мог войти человек или лесной дух.

Сильванус подошёл к дубу с благоговением. Он прикоснулся к шершавой коре кончиками пальцев, и по стволу пробежала лёгкая волна зеленоватого свечения. Дух леса закрыл глаза, словно слушая, как дерево говорит с ним.

– Он... он великолепен, – прошепел Сильванус, его голос дрожал от эмоций. – Я чувствую его. Его память... его силу. И дупло... оно идеально. Просторное... и с таким видом! – Он указал на небольшой ручей, тихо журчащий неподалеку.

Рея осмотрелась. Место было идеальным. Тихое, уединённое, с сильной природной энергией. Другие старые деревья стояли вокруг, создавая достойное соседство. Никаких признаков человеческой деятельности в радиусе, который они обсуждали.

– Энергия здесь чистая, – сказала Рея, проводя рукой по воздуху. – Нет следов загрязнения или нежелательных вторжений. Ручей обеспечит влагу. Почва богата. Кажется, это именно то, что Вы искали.

Сильванус повернулся к ней, его глаза светились.

– Я благодарен Вам, госпожа Элмвуд. Этот дуб... он кажется моим домом. Я чувствую, что могу пустить здесь корни.

– Отлично! – улыбнулась Рея. – Тогда, если Вас всё устраивает, мы можем считать сделку совершенной. Формальности... для Вас они, наверное, не так важны, как для людей. Просто почувствуйте себя дома.

Сильванус кивнул.

– Я начну обживать. Мне нужно время, чтобы слиться с этим местом.

Он снова прикоснулся к дубу, и на этот раз зелёное свечение стало ярче, словно дерево отвечало ему.

– Удачи Вам, Сильванус, – сказала Рея. – Надеюсь, Вы будете счастливы в новом доме.

Дух леса ещё раз кивнул, его взгляд был прикован к дубу. Рея поняла, что он уже начал процесс переезда. Она тихо отошла, оставляя его наедине с новым жилищем.

Обратная дорога прошла быстро. Рея думала о том, как удивительно находить дома для таких разных существ.

Лесной дух – это было что-то новенькое. Но предстояла ещё Кикимора.

По мере приближения к городу Рея почувствовала лёгкое беспокойство. Как будто Мортимер пытался послать ей мысленный сигнал тревоги.

«Болото. Пузырится» – услышала она обрывки слов в голове.

Наверное, Кикимора уже пребывает.

Рея припарковалась на своей обычной стоянке, вышла из машины и направилась к двери офиса. Снаружи всё выглядело тихо и спокойно. Но стоило ей открыть дверь, как в ноздри ударил сильный, неприятный запах – запах стоячей воды, тины и чего-то гнилостного.

Мортимер сидел на самом высоком шкафу под потолком, выгнув спину и шипя на что-то невидимое для обычного глаза. Его хвост дергался, как провод под напряжением.

– Мортимер? Что случилось? – спросила Рея, делая шаг внутрь.

И тут она увидела ЭТО.

Прямо посреди идеально чистого паркетного пола, рядом с местом, где только что стоял Сильванус, расплывалась огромная, зловонная лужа.

Она не выглядела как обычная вода – это была густая, мутная жижа, полная веток и подозрительно выглядящих пузырей, поднимающихся со дна.

Из центра лужи медленно поднималась фигура. Тонкая, угловатая, одетая в лохмотья, которые, казалось, были сделаны из водорослей и болотной травы. Её кожа была землисто-серой, а длинные, жилистые пальцы заканчивались острыми, грязными ногтями.

Лицо... если это можно было назвать лицом – было сморщенным, с маленькими, злыми глазками, глубоко посаженными под нависшим лбом. С длинных, спутанных волос, похожих на мочалку, капала болотная вода.

Она огляделась, её взгляд задержался на Мортимере, затем на Рее. Уголки тонких губ растянулись в ухмылке, обнажая редкие, позеленевшие зубы.

– Кхм-кхм... Здравствуй, ведьма, – просипела она голосом, похожим на кваканье лягушки, смешанное с хлюпаньем. – Меня... зови... Багна. Мне... нужно... новое... место.

Лужа под ней издала громкий хлюпающий звук, словно глубоко вздохнула.

– Багна, – ровным голосом произнесла Рея, стараясь не дышать полной грудью. – Вы, полагаю... Кикимора?

– Кикимора болотная, – подтвердила Багна, выпрямляясь.

С неё стекали потоки грязной воды, образуя вокруг лужи ещё более широкое, мокрое пятно.

– Моё... старое... болото... осушили. Построили... что-то... блестящее и шумное. – Она фыркнула, и из её ноздрей вылетели маленькие пузырьки. – Мне... нужно... новое... болото. Хорошее. Грязное. С... комарами.

Рея посмотрела на свою чашку, оставленную на столе. Символ болота с точками теперь не просто пузырился – он активно булькал, словно миниатюрный гейзер.

– Хорошо, Багна, – вздохнула Рея, мысленно прощаясь с чистым полом. – Проходите... кхм... присаживайтесь... если сможете.

Багна сделала шаг вперед, и лужа послушно поползла за ней. Мортимер на шкафу издал звук, который мог бы означать «Ну вот, я же говорил!».

День ведьмы-риэлтора явно набирал обороты. И, судя по запаху, эти обороты были не самыми приятными. Найти хорошее, грязное болото с комарами. Это будет та ещё задача.

Запах болотной тины, гнилой листвы и застоявшейся воды с каждым мгновением становился всё более насыщенным, вытесняя привычный аромат кофе и старой бумаги.

Лужа на полу, казалось, не просто лежала, а ЖИЛА, медленно пульсируя и выбрасывая на поверхность новые пузырьки, каждый из которых лопался с тихим, отвратительным ЧПОК.

Мортимер на шкафу издал звук, напоминающий нечто среднее между шипением и кряхтением, явно выражая своё крайнее неодобрение происходящим.

Его хвост замер в вертикальном положении, кончик подрагивал.

Багна, тем временем, сделала ещё один шаг, и лужа послушно поползла за ней, оставляя за собой влажный, тёмный след.

Она остановилась в центре офиса, оглядывая помещение своими маленькими, цепкими глазками.

– Светло... очень... светло, – просипела она, прищуриваясь. – И... сухо. Фу.

Она скривилась, словно съела лимон, покрытый плесенью.

Рея сделала глубокий вдох – и тут же пожалела об этом, вдохнув полной грудью аромат разложения.

– Кхм. Да, мы стараемся поддерживать... определенный уровень сухости. И чистоты. – Ведьма посмотрела на лужу, которая уже подбиралась к её рабочему столу. – Пожалуйста, Багна, постарайтесь... не распространяться. Это... антикварный паркет.

Багна издала звук, похожий на булькающий смешок.

– Антикварный... грязный... будет. Скоро.

Рея вздохнула. Уговоры тут явно не помогут. Она обошла лужу, стараясь держаться на почтительном расстоянии.

– Итак, Багна, – начала она, стараясь придать голосу деловитость. – Вы ищете новое болото. Я правильно понимаю, что вам нужно место максимально приближенное к вашему предыдущему дому? Со всеми особенностями?

– Да! – голос Багны стал чуть громче, прозвучав как резкое кваканье. – Грязь! Много! Вода... стоячая! Темно! И... никого! Ни... людей! Ни... светлых... существ!

При последнем слове она бросила злобный взгляд на Мортимера, который ответил ей тихим, угрожающим рычанием из глубины груди.

– Никого, кроме Вас, конечно. И... фауны. Вы упомянули комаров?

– Комары... важно! – Багна кивнула своей спутанной головой. – Еда... для... меня. И... музыка! Жжжжж!

Она изобразила звук комара, что в её исполнении прозвучало как скрежет мокрого тростника.

– И... лягушки. Ква-ква! И... пиявки! Люблю... пиявки!

Рея нервно сглотнула.

Найти болото с комарами, лягушками и пиявками – это, пожалуй, самая лёгкая часть задачи.

Самое сложное – найти заброшенное, грязное болото, которое никто не собирается осушать или превращать в «эко-парк» с деревянными настилами для туристов.

– Понимаю. Значит, нужен участок земли с естественным водоемом. Желательно, чтобы он был нетронутым. И подальше от развитой инфраструктуры.

Рея подошла к своему столу, достала планшет – магический, конечно. Он не боялся влаги, но даже он, казалось, слегка потускнел от присутствия Багны.

На экране планшета появилась карта города и окрестностей.

Рея активировала фильтры:

Водоемы

Зоны отчуждения

Магическая активность (тёмная)

– Тааак... давайте посмотрим, что у нас есть в базе...

Она водила пальцем по карте. Большинство болот были либо слишком близко к городу, либо находились в охраняемых природных зонах (где чистота и отсутствие гниения были приоритетом), либо уже были заняты другими специфическими жильцами.

– Вот это... Оно слишком близко к дачным поселкам, – бормотала Рея. – Это... вроде, подходит, но там, кажется, поселился водяной, и он очень привередлив к соседям. Говорит, у него аллергия на болотные запахи.

Багна издала возмущенный хлюпающий звук.

– Водяные... зазнались! Сидят... в своих... чистых... прудах!

Мортимер на шкафу согласно мяукнул.

– А вот это... – Рея остановилась.

На карте мигал небольшой, изолированный участок.

Надпись гласила:

«Трясина Забвения. Не рекомендовано к посещению. Высокий уровень необъяснимых исчезновений».

Рея осторожно ткнула в него. Появилась дополнительная информация.

Площадь: около 5 гектаров.

Тип: низинное болото, слабодренированное.

Фауна: неизвестна, предположительно разнообразная.

Ближайший населенный пункт: 50 км.

Доступ: крайне затруднен.

Магические аномалии: регистрируются постоянно.

Примечание: местная администрация отказывается от любых работ на данной территории после инцидента с пропавшей экскаваторной бригадой.

Рея задумчиво посмотрела на описание. «Трясина Забвения... Звучит многообещающе. Высокий уровень магических аномалий, необъяснимые исчезновения, подальше от людей...»

Она подняла глаза на Кикимору.

– Багна, у меня, кажется, есть один вариант. Он не совсем обычный. Называется. Трясина Забвения.

Глазки Кикиморы загорелись недобрым огоньком. Она принялась, словно пытаясь уловить запах с карты.

– Забвение... звучит... хорошо. Там... грязно?

– Полагаю, очень грязно, – осторожно ответила Рея. – И, судя по всему, там много всего интересного. И никто Вас там не побеспокоит.

– Никто... точно?

– Абсолютно точно. Те, кто пытались, перестали существовать в принципе.

Багна удовлетворенно закричала.

– Мне... нравится... это. Как... смотреть?

Тут возникла проблема.

Как показать Трясину Забвения существу, которое, по сути, является частью движущейся лужи?

Обычный транспорт отпадал.

Пешком по трясине – сомнительное удовольствие даже для ведьмы.

Рея задумалась.

Магический транспорт?

Телепортация?

Слишком опасно в месте с такими аномалиями.

Может быть... виртуальный тур?

– Багна, – начала Рея, обходя лужу, которая уже начала оставлять мокрые следы на ковре у дивана. – Поскольку Трясина Забвения не самое легкодоступное место. Как насчет виртуального осмотра?

Багна уставилась на неё, сморщенное лицо выражало полное непонимание.

– Виртуальный... что?

– Ну... как бы... посмотреть, не выходя отсюда. С помощью магии. Я могу создать проекцию. Вы почувствуете место. Увидите его.

Кикимора недоверчиво захлопала.

– Чувствовать... грязь... через... картинку?

– Это будет очень реалистичная картинка. С... запахами. И... ощущениями. Я постараюсь передать всю аутентичность.

Рея чувствовала, что заходит на неизведанную территорию. Виртуальные туры для болотных духов – это не то, чему учили в Академии.

Багна задумалась, издав серию булькающих звуков.

Мортимер наблюдал за ней, явно ожидая развития событий.

Лужа под Багной слегка увеличилась в размерах.

– Ладно, – наконец просипела Кикимора. – Попробовать... можно. Но... если... обманешь... я... затоплю... Всё.

Она обвела офис угрожающим взглядом.

– Поняла. Никакого обмана. Только аутентичная болотная реальность, – поспешно согласилась Рея. – Дайте мне минутку подготовиться.

Рея достала несколько магических кристаллов, разложила их по углам офиса, активировала защитные чары (хотя бы от запаха, если не от самой Кикиморы) и сосредоточилась.

Ей нужно было подключиться к энергетическим потокам Трясины Забвения, считать информацию о её состоянии, фауне, уровне грязи и опасности, а затем спроецировать это в офис. Задача непростая, особенно с таким требовательным клиентом.

Она закрыла глаза, мысленно настраиваясь на координаты Трясины. Энергия места была дикой, хаотичной, пахла не просто гнилью, а чем-то глубоко древним и опасным. Идеально для Кикиморы.

Рея начала плести заклинание. Воздух в офисе завибрировал. Магические кристаллы засветились.

И тут... Запах гнили стал еще сильнее. Влажность резко подскочила. Температура упала на несколько градусов.

На стенах проступили темные пятна, похожие на плесень.

Из лужи посреди пола поднялся густой, зеленоватый туман.

В тумане начали появляться образы: корявые деревья, утопающие в грязи, черная, неподвижная вода, покрытая ряской, странные, светящиеся глаза, выглядывающие из-под коряг. Звуки леса сменились кваканьем, жужжанием и каким-то низким, утробным бульканьем.

Офис Реи на несколько минут превратился в фрагмент Трясины Забвения. Багна в тумане заметно оживилась. Она втянула воздух, её маленькие глазки расширились.

– Чувствую... грязь! Настоящая!

Мортимер на шкафу вздыбил шерсть, зашипел громче и начал медленно, осторожно отползать к самому потолку.

Рея поддерживала проекцию, чувствуя, как энергия Трясины просачивается сквозь защитные барьеры.

Это место было очень сильным. И очень грязным.

– Ну как, Багна? – спросила Рея, стараясь не закашляться от запаха и не отвлечься от поддержания заклинания. – Это... соответствует вашим ожиданиям?

Багна медленно двигалась в пределах тумана, хлюпая и булькая. Она наклонилась, зачерпнула горсть несуществующей грязи из проекции и поднесла к лицу.

– Пахнет... правильно, – просипела она с явным удовольствием. – Глубоко... и... сыро. Она подняла голову, посмотрела на Рею сквозь туман.

– Беру! – торжественно провозгласила Кикимора.

Рея чуть не сбилась с заклинания от неожиданности.

– Берёте? Вы уверены? Это... очень... специфическое место.

– Уверена! – Багна кивнула. – Моё! Чувствую... моё!

Зеленоватый туман начал рассеиваться, запахи медленно отступали, стены офиса снова стали чистыми. Лужа на полу, однако, осталась – и, кажется, стала чуть больше.

Рея отключила заклинание, вытерла пот со лба.

– Отлично. Тогда поздравляю с приобретением, Багна. Трясина Забвения ваша. Формальности... я оформлю. Вам просто нужно переместиться туда.

Багна удовлетворенно закряхтела.

– Перемещусь... сейчас. Спасибо... ведьма. Ты... хорошая... ведьма. Нашла... мне... грязь.

Она повернулась к луже, которая теперь выглядела как портал в миниатюре. Багна медленно начала погружаться в неё, тело словно таяло в мутной воде.

– Удачи Вам, Багна, – сказала Рея, наблюдая за этим странным процессом.

Последнее, что она увидела, прежде чем Кикимора полностью исчезла, были её маленькие глазки, моргнувшие из глубины лужи. Затем раздался последний, громкий ЧПОК и лужа начала медленно уменьшаться.

Не исчезать полностью, нет.

Просто становиться меньше, возвращаясь к первоначальному размеру, который Багна принесла с собой. Оставляя, однако, огромное, мокрое и очень грязное пятно на паркете.

Рея посмотрела на пятно, затем на Мортимера, который осторожно спустился со шкафа и подошел к краю беспорядка, брезгливо вынюхивая воздух.

– Ну вот, Мортимер, – произнесла Рея с легкой обреченностью. – Кажется, у нас теперь есть перманентное напоминание о нашей клиентке.

Мортимер посмотрел на неё, затем на пятно, затем снова на ведьму, и издал звук, который явно означал: «Я же говорил».

День продолжался и Рея уже успела продать дом лесному духу и болото – Кикиморе.

И, судя по тому, что чашка на столе всё ещё слегка пузырилась, следующий клиент не заставит себя долго ждать.

И кто знает, какой ещё сюрприз он принесет с собой в её многострадальный офис.

Радиостанция судного дня

В 2025 году мир едва ли отличается от мира десятилетней давности. Только технологии шагнули вперёд, но не настолько, чтобы изменить саму ткань реальности.

За одним исключением.

Где-то в глуши, среди заброшенных радиотехнических объектов советской эпохи, на окраине старого военного полигона, стояла станция «Радио Судного Дня».

Запущенная в 1976 году, она была детищем безумного гения и отчаянных секретных правительственных программ, искавших в космосе не только сигналы разумных цивилизаций, но и что-то иное – потустороннее, призрачное, демоническое.

Десятилетиями «Радио Судного Дня» передавало лишь монотонное жужжание, фоновый шум, который сводил с ума.

Но время от времени, сквозь этот эфирный вой, прорывались короткие, несвязные слова. «ЛЕСОЛОВ», «БЛЮДОМИР», «КРАСНЫЙ», «ГРОТОГОН», «ШЕПОТ СТЕН», «ГЛАЗ БЕЗ ВЕК», «РАЗЛОМ».

Люди десятилетиями пытались их понять, лингвисты, криптографы, оккультисты – никто не приблизился к разгадке. Эти слова стали частью городского фольклора, интернет-легендами, темой для конспирологических теорий.

Дмитрий, или просто Дима, был молодым учёным в области телекоммуникационных технологий. Его ум, острый и аналитический, всегда искал логику даже в хаосе. Он устроился на работу в «Радио Судного Дня» не из веры в призраков, а из чистого научного любопытства.

Задача была проста: записывать всё, что ловит и передаёт станция, и анализировать, искать закономерности, алгоритмы, любые отклонения.

Для него это был вызов, головоломка, а не мистический бред.

Станция встретила его прохладной тишиной и запахом старой электроники, пыли и озона. Здесь, вдали от цивилизации, время, казалось, замедлилось. Главный инженер, Анатолий Петрович, старый, прокуренный циник с седыми усами, встретил его без энтузиазма.

– Ещё один умник, который хочет разгадать великую тайну. Они приходят и уходят. А жужжание остается.

Но среди старых машин и скептических взглядов Дима нашел кое-что, что заставило его сердце биться быстрее. Девушка по имени Вера. Она работала в архиве, систематизируя и оцифровывая десятилетия записей, пытаясь найти скрытые паттерны в частотах, амплитудах, даже в самом жужжании.

Вера была полной противоположностью Димы: нежный овал лица, глубокие, задумчивые глаза, в которых светилось что-то, что Дима не мог назвать. Она была больше интуитом, чем логиком, чувствовала то, что он пытался вычислить.

Их отношения начались с долгих дискуссий о природе случайности, о шуме Вселенной, о возможности существования нечеловеческого разума. Дима объяснял ей принципы цифровой обработки сигналов, Вера делилась своими наблюдениями о повторяющихся звуковых фрагментах, которые напоминали не то старинные языки, не то забытые песнопения.

Они проводили вместе долгие часы, склонившись над мониторами, разделяя одну на двоих тайну. Постепенно научный интерес перерос в нечто большее.

Их руки случайно соприкасались, взгляды задерживались дольше положенного. В этом изолированном мире, где единственным постоянным спутником было монотонное жужжание, они стали друг для друга всем.

– Думаешь, это просто помехи? – спросила Вера однажды ночью, когда они сидели в аппаратной, слушая знакомый гул.

Дима пожал плечами.

– Мой разум говорит, что да. Но... что-то внутри меня шепчет, что нет. Слишком много энергии в этом шуме. – А слова? – она указала на список на мониторе: «ГРОТОГОН, КРАСНЫЙ, БЛЮДОМИР...»

Парень пожал плечами.

– Хаотичный набор. Нет синтаксиса, нет грамматики. Просто выбросы.

– Но откуда они вообще поступают? И они повторяются, Дима. А некоторые из них звучат так, будто их произносят с каким-то смыслом.

Их роман расцветал в тени старой аппаратуры, под неумолчный шёпот эфира. Они были двумя душами, пытающимися найти смысл в бессмыслице, и на этом пути нашли друг друга. Дима, всегда сдержанный, стал мягче, открываясь Вере. Вера, казавшаяся хрупкой, обрела в нём опору.

Однажды, в обычный четверг, когда Дима, привычно, сидел за консолью, анализируя спектрограмму шума, произошло то, что навсегда изменило их мир. Жужжание внезапно стало громче, пульсирующим, словно живое сердце. В динамиках раздался треск, а затем, чётко, без помех, прозвучал голос. Это был не человеческий голос, а нечто, сотканное из тысяч шёпотов, стонов и криков, звучащее одновременно древне и неестественно.

«ГЕЕННА ОГНЕННАЯ ГРЯДЁТ! ЛЮДИ ГИБНУТ! СПАСАЙТЕ ДУШИ! АЛЧНЫЕ ДУШИ! ПРИБЛИЖАЕТСЯ КОНЕЦ!»

Слова эхом разнеслись по аппаратной. Дима застыл, Вера вскрикнула, отшатнувшись от своего монитора. Анатолий Петрович, дремавший в своем кресле, подскочил, его лицо посерело.

– Что... что это было? – прохрипел он. – Полностью связное сообщение, Петрович! Никогда такого не было! – голос Димы дрожал от возбуждения и ужаса.

С этого момента всё изменилось. Жужжание стало фоном для постоянного, почти непрерывного вещания. Голоса, их стало много, они говорили на разных языках, но основной посыл был один: гибель, хаос, разрушение. Они предрекали конец человечества, описывали ужасы, которые уже наступали.

И начались катаклизмы.

Сначала локальные: необъяснимые землетрясения в стабильных регионах, внезапные наводнения, лесные пожары, вспыхивающие без причины. Затем они стали глобальными. Новостные каналы захлебывались сводками о стихийных бедствиях, о необъяснимых психических расстройствах, охватывающих целые города, о массовых самоубийствах. Станция «Радио Судного Дня» стала единственным источником правды – ужасающей, невыносимой правды.

Потусторонняя сила, демоны, как их называли в прессе, начали вещать через радиостанцию, не только предрекая, но и, казалось, управляя гибелью человечества.

Их голоса были повсюду, проникали в каждый приёмник, каждый телефон, каждое электронное устройство.

Они шептали о страхе, о грехах, о бессмысленности сопротивления.

– Они говорят о гибели человечества, Дима! – девушка была бледной, её глаза лихорадочно блеснули. – Они озвучивают наши страхи и знают, о чём мы думаем!

– Это не просто вещание, Вера. Это воздействие. Психическое, энергетическое. Они проникают вглубь сознания.

Дима и Вера работали без остановки. Анатолий Петрович, поначалу растерянный, теперь лишь молча наблюдал за ними, его глаза были полны отчаяния. Он видел, как мир, который он знал, рассыпается.

Дима и Вера погрузились в старые записи. Те самые несвязные слова, которые десятилетиями были загадкой, теперь начали обретать чудовищный смысл.

– ЛЕСОЛОВ... – прошептала Вера, её палец скользил по экрану. – Они говорили о лесах, что горят, о душах, что бегут из них. Лесолов – это тот, кто охотится в этих лесах!

– БЛЮДОМИР... – подхватил Дима. – Вчера они вещали о голоде, о том, как земли опустеют, как люди будут есть друг друга. Блюдомир... это не мир, это пир! Пир для них!

– КРАСНЫЙ... – Вера сжала его руку. – Кровь. Огонь. Гнев. Это их цвет, Дима. Цвет разрушения.

– ГРОТОГОН... – Дима посмотрел на неё. – Они призывают людей прятаться в пещерах, в подземных убежищах, но потом говорят, что и там их настигнут. Гротогон – это тот, кто загоняет их в ловушку.

Они поняли. Эти слова были не случайными. Это были фрагменты их имен, их аспектов, их методов воздействия. Это был их древний язык, искаженный, но теперь, когда они вещали в полную силу, смысл проступал. Это были имена сущностей, которые теперь прорывались в их мир.

Мир за стенами «Радио Судного Дня» погрузился в хаос. Связь с внешним миром прерывалась. Последние новости были о том, что правительства рухнули, армии дезертировали, города пылали. Еда и вода заканчивались. Станция стала их последним убежищем, их последней надеждой.

Голоса из эфира становились всё более личными. Они обращались к Диме и Вере по именам, зная их страхи, их любовь.

– Ты думаешь, можешь остановить нас, Дима? Ты лишь муравей в огне. Твоя Вера... Она так прекрасна. Как жаль, что её душа будет разорвана на части.

– Не слушай их! – Дима прижимал Веру к себе, когда она дрожала, слыша эти шёпоты.

Однажды ночью, когда снаружи бушевал невиданный шторм, а внутри станции дрожали стены от воздействия эфира, Вера, копалась в архиве записей учёного-создателя станции. Среди них она обнаружила древние мифы и легенды, на которые он опирался при разработке технологии. Вдруг замерла.

– Дима... я, кажется, поняла. – Голос был едва слышен. – Эти слова они не только их имена. Они ключи. Ключи к их природе. К их источнику.

Она показала ему обрывок старинной рукописи, найденной среди чертежей станции. Это был текст, написанный на древнем языке, рассказывающий о попытке запечатать «Эфирные Голоса» много веков назад.

– Они не просто вещают. Они прорываются. Станция она не просто приёмник. Она врата. Жужжание – это их попытка прорваться. А слова – это их попытки сформировать себя в нашем мире.

– Но как это остановить? – Дима чувствовал, как его сердце сжимается от предчувствия. Вера посмотрела на него, глаза были полны решимости и отчаяния.

– Их можно запечатать. Но не снаружи. Только изнутри. Тот, кто запечатывает, должен сам стать частью печати. Стать шумом.

Дима отрицательно покачал головой.

– Нет. Нет, Вера. Это безумие.

– Это единственный способ, Дима. Они проникают через эфир. И только чистый, неискаженный сигнал, который будет поглощать их, может остановить этот поток. Стать абсолютным шумом, который заглушит всё.

Анатолий Петрович, услышавший их разговор, подошел ближе. Его старое лицо было измученным.

– Девочка права, Дима. Мы читали записи. Первый учёный, что создавал радиостанцию, он писал об этом. О Живом Эфире, что поглощает хаос. Но это неизбежная смерть. Хуже смерти.

Вера не отводила от Димы взгляда.

– Я люблю тебя, Дима. Больше всего на свете. Но этот мир, он погибает. И мы можем дать ему шанс.

– Нет! Мы найдем другой путь! Я найду! – Дима схватил её руки, голос дрожал.

– Нет времени, любимый. Я чувствую это. Их голоса становятся сильнее. Они скоро придут за нами. А это шанс спасти то, что осталось от нашего мира.

Они обнялись. Это был последний, отчаянный, полный любви и горя поцелуй. В нём было обещание, которое никогда не будет исполнено, и прощание, которое разрывало душу.

Вера шагнула к главной консоли. Это была старая, огромная машина, сердце «Радио Судного Дня».

Она подключила к ней странный, древний артефакт, который она нашла в самых потаённых уголках архива – кристалл, излучающий слабое, пульсирующее свечение.

– Я должна стать этим кристаллом, Дима. Моя душа она должна стать резонансом. Поглотить их.

Дима бросился к ней, пытаясь остановить, но Вера уже нажимала на кнопки, активируя древние цепи, которые Дима даже не понимал.

– Прости меня, Дима. Прости.

Она поднесла кристалл к груди. В тот же миг яркая вспышка ослепила аппаратную. Из кристалла вырвался поток ослепительного, чистого света, который окутал Веру. Её тело начало светиться, а затем растворяться. Не в дым, не в прах, а в чистую, пульсирующую энергию. Её крик, полный боли и решимости, слился с нарастающим жужжанием станции, которое теперь стало невыносимо громким.

Дима упал на колени, закрывая лицо руками. Он слышал, как жужжание становится всё сильнее, а потом оно резко оборвалось.

Наступила тишина. Абсолютная, оглушительная тишина.

Мир не изменился в одночасье. Катаклизмы не прекратились моментально, но их интенсивность стала спадать.

Голоса в эфире замолчали. «Радио Судного Дня» больше не передавало ничего, кроме легкого, едва слышного шума, похожего на дыхание.

Анатолий Петрович отправился в почти разрушенный катаклизмами мир. Города, когда-то гордо возвышавшиеся к небу, теперь зияли провалами, словно выбитые зубы у старого бродяги. Пыль, серая и вездесущая, проникала всюду, оседая на остатках некогда ярких фасадов и забиваясь в лёгкие.

Он шёл по дорогам, превратившимся в реки застывшей лавы из обломков и пепла. Встречал немногочисленных выживших – людей, потерявших всё, но сохранивших в глазах искру надежды, или, скорее, отчаяния, заставляющего двигаться дальше. Они делились с ним немногочисленной информацией, слухами, обрывками фраз, рисующими картину мира, почти скатившегося в бездну.

А Дима остался один в опустевшей станции.

Мир за стенами станции был разрушен, но теперь у него был шанс на медленное, мучительное возрождение. Однако для Димы мир погиб. Он потерял Веру, свою любовь, свою надежду.

Вера спасла всех, но он потерял всё, что делало его мир ценным.

Он сидел в аппаратной, глядя на пустую консоль, на которой ещё недавно светилося лицо Веры. Теперь там был лишь слабый, почти невидимый отблеск.

Временами, очень редко, когда он один оставался в аппаратной, ему казалось, что в едва слышном шуме станции он различает её шепот. Не слова, а лишь отголосок присутствия, её жертвы. Она стала частью эфира, частью бесконечного, поглощающего шума. Она была там, но недостижима.

Дима знал, что это не конец.

Радиостанция была построена в аномальном месте, над воротами, что могли выпустить в этот мир чистое зло. Она была маяком, указывающим брешь в этих воротах и их нужно было охранять.

Сущности не были уничтожены, лишь запечатаны, заглушены. И рано или поздно, дыхание Веры снова начнёт ослабевать, и они снова будут пытаться прорваться.

И тогда, возможно, кому-то другому придётся заплатить ту же цену. Но пока что, он оставался один, храня тишину, которая была одновременно его спасением и его проклятием, и вечную память о девушке, которая стала шумом, чтобы спасти мир. Его мир, который теперь был пуст.

Охота

Трое друзей – Игорь, Сергей и Паша – выбрались в глухую тайгу на охоту. Давно планировали. Вся городская суета достала, хотелось тишины, адреналина и настоящего мужского отдыха.

Игорь был опытным охотником, Сергей – азартным и безрассудным, Паша – тихим наблюдателем, предпочитавшим фотографировать природу, но не отказывавшийся от компании.

Первый день не задался. Зверя почти не видели, погода хмурилась, и к вечеру настроение было неважное. Решили углубиться ещё дальше, туда, где, по слухам, водились крупные лоси.

Шли, ориентируясь по старой карте и компасу, и к середине следующего дня наткнулись на нечто совершенно неожиданное.

Посреди векового леса, где не было и намека на тропы или следы цивилизации, стоял маленький, аккуратный домик. Из трубы вился дымок. Вокруг – небольшой расчищенный участок, заборчик из жердей.

Совершенно немыслимо.

Они осторожно подошли.

Из домика вышла молодая девушка. На вид лет двадцать, тонкая, в простом платье, босая. Волосы цвета спелой ржи, глаза удивительно чистые и немного испуганные. Она смотрела на них безмолвно, прижимая руки к груди.

– Здрасьте... – неловко произнес Игорь, опуская ружье. – Мы охотники. Заблудились немного. Не ожидали тут никого увидеть.

Девушка кивнула, но ничего не сказала. Просто продолжала смотреть. От неё исходило какое-то странное спокойствие, почти неестественное для человека, живущего в такой глуши в полном одиночестве.

Сергей, всегда быстрый на язык, усмехнулся.

– Вот так находка! Привет, красавица. Как тебя зовут? Давно тут одна?

Девушка моргнула, будто не понимая слов, или просто не желая отвечать.

– Странная какая-то, – прошептал Паша, убирая фотоаппарат.

Сергей вдруг шагнул ближе, оглядывая девушку оценивающим взглядом. В его глазах загорелся нездоровый огонек.

– Слушайте, мужики, – сказал он, понизив голос, но так, чтобы она могла услышать. – Лоси – это хорошо, конечно. Но тут добыча поинтереснее. А? Охотиться на зверя скучно. Может, поохотимся на эту нимфу лесную?

Игорь побледнел.

– Ты сдурел, Сергей?! Это человек! Девушка!

– Ну и что? Дикая. Никто не хватится, – Сергей облизнул губы. – Представь, адреналин какой. Настоящая охота.

Паша отшатнулся.

– Нет! Я в этом участвовать не буду!

– Да ладно вам, святоши, – Сергей усмехнулся. – Просто пошутил... Наверное.

Но взгляд его говорил об обратном. Он не сводил глаз с девушки.

Надвигались сумерки. Остаться в лесу было опасно, а домик выглядел как спасение. Игорь, скрипя зубами, предложил девушке еды из их запасов и попросил разрешения переночевать неподалеку. Девушка снова просто кивнула, не приглашая их внутрь, но и не выгоняя.

Они разбили лагерь в сотне метров от домика. Ночь опустилась густая, беззвездная. Костер горел слабо, отбрасывая нервные тени.

Сергей сидел, подбрасывая ветки в огонь, и все поглядывал в сторону домика.

Игорь не спал, прислушиваясь к каждому шороху.

Паша, съевшись, пытался задремать.

В какой-то момент Сергей поднялся.

– Не могу. Пойду, посмотрю, что там у нее, – сказал он с мерзкой ухмылкой. – Сиди! – резко приказал Игорь. – Не делай глупостей!

– А то что? – Сергей уже отошел от костра. – Я же сказал, просто посмотрю.

Он бесшумно двинулся в сторону домика. Игорь хотел его остановить, но было поздно. Паша молча сидел, закрыв глаза руками.

Ночь обволакивала лес густым, непроницаемым покрывалом. Только лунный свет, просачиваясь сквозь кроны деревьев, выхватывал из темноты причудливые фигуры.

Сергей, опытный охотник, двигался бесшумно, словно тень. Сегодня его добычей должна была стать не дичь, а девушка.

Для Сергея она была лишь целью, желанным трофеем в его извращенной игре.

Он услышал её. Тихий шорох, словно шелест крыльев бабочки, привлек его внимание. Сергей замер, прислушиваясь, и вскоре различил силуэт, маячивший впереди.

Девушка стояла на пороге, неподвижная, словно статуя. Её лицо было скрыто в полумраке, но Сергей чувствовал её взгляд – пристальный, пронзительный. В нём не было страха, лишь какое-то странное, неземное спокойствие.

Сергей усмехнулся. Добыча сама пришла к нему в руки. Инстинкт хищника проснулся в нём, заглушая остатки человечности. Он приближался медленно, крадучись, как волк, выслеживающий жертву.

Она не двигалась, не издавала ни звука, лишь неподвижно стояла, словно ожидая его.

Парень приблизился, хищно оскалившись.

– Ну что, красавица, поиграем? – прошипел он, наслаждаясь её безмолвием.

Он ожидал криков, мольбы, паники. Но она продолжала стоять, не шелохнувшись.

Внезапно порыв ветра взъерошил её волосы, и лунный свет озарил лицо. Сергей отшатнулся.

Это была не девушка.

Это было нечто другое...

Нечто древнее, нечеловеческое. В глазах плясали языки пламени, а на губах застыла злобная улыбка.

Охотник стал добычей.

Ужас сковал Сергея ледяными тисками. Он попытался бежать, но ноги словно приросли к земле. Существо, которое ещё минуту назад казалось ему беззащитной девушкой, сделало шаг вперед.

От её движения повеяло могильным холодом.

– Ты хотел поиграть, охотник? Что ж, поиграем, – прозвучал в его голове голос, не принадлежащий никому из известных ему существ.

Это был голос самой тьмы, древний и всепоглощающий.

Существо приблизилось вплотную, и Сергей увидел в её глазах отражение своей души – грязной, истерзанной похотью и жестокостью.

Он попытался взмолиться, попросить пощады, но слова застряли в горле. Существо коснулось его лица ледяными пальцами, и мир вокруг Сергея начал расплываться, терять свои очертания. Сергей почувствовал, как жизнь покидает его тело, почувствовал, как его сознание проваливается в бездну, наполненную кошмарами и страхами, о которых он даже не подозревал.

Последнее, что он увидел, прежде чем тьма поглотила его окончательно, была зловещая улыбка на лице существа.

Улыбка победителя.

Улыбка древней силы, пробудившейся от долгого сна.

Лес затих, словно затаив дыхание, и лишь лунный свет продолжал выхватывать из темноты причудливые фигуры, хранящие тайну ночной трагедии.

Теперь он стал лишь эхом в памяти векового леса, напоминанием о том, что в этой игре всегда есть тот, кто сильнее.

Прошло минут десять. Тишина стояла абсолютная, только потрескивал костёр.

Ни криков, ни звуков борьбы.

Ничего.

– Сергей! – тихо позвал Игорь.

Тишина.

Сердце ёкнуло.

Игорь взял ружье и осторожно двинулся следом. Паша, дрожа, пошёл за ним.

Они подошли к домику. Дверь была приоткрыта. Изнутри не доносилось ни звука, ни света.

Игорь толкнул дверь.

Внутри было пусто.

Печь остыла, на столе стояла одна деревянная чашка. Ни постели, ни вещей – ничего, что указывало бы на то, что здесь кто-то живёт.

И ни следа Сергея.

– Где он? – прошептал Паша.

– Не знаю... – Игорь чувствовал, как мороз ползет по коже.

Они вышли наружу.

Ночь стала ещё чернее.

Ветер, которого раньше не было, прошуршал в верхушках деревьев, и этот шорох показался им зловещим шёпотом.

Вдруг Паша вскрикнул и указал на землю.

У самого порога домика, на влажной земле, виднелись следы. Не человеческие. Они были похожи на отпечатки босых ног, но слишком длинные и тонкие, будто вытянутые. И вели они не к домику, а от него – прямо в чащу леса. И рядом с ними едва различимые, стёртые следы Сергея. Будто его тащили.

– Она... она не человек, – задыхаясь, пробормотал Паша.

Игорь поднял глаза на лес.

Деревья вокруг домика казались выше, темнее, чем раньше. Их ветви сплетались в непроницаемую стену.

– Нужно взять ружьё! Бежим! – крикнул он, и они бросились назад, к своему лагерю.

Но лагеря не было. На том месте, где они оставили палатки и костёр, росла густая, непролазная ель. Будто её высадили здесь сотню лет назад. От их вещей не осталось и следа.

Паника охватила их. Они метались, пытаясь найти хоть что-то знакомое, но лес вокруг изменился. Деревья стояли слишком плотно, тени двигались, а звуки леса – треск сучьев, уханье совы – звучали как насмешка.

– Мы заблудились, – прошептал Паша, его лицо было блее снега.

– Нет, – прохрипел Игорь, глядя в темноту.

Он понял.

Девушка не жила в домике. Она была частью этого места.

Древним духом, хранителем или чем-то ещё более жутким.

Она не боялась их.

Она ждала.

Ждала, пока кто-то из них проявит свою истинную, тёмную натуру. И Сергей проявил. Его желание поохотиться стало спусковым крючком.

Шорох в лесу усилился. Ветки хлестали невидимые препятствия. Земля под ногами стала вязкой, как болото. Из темноты раздался тихий, мелодичный смех. Тот же смех, который они слышали, когда девушка вышла из домика.

Паша закричал – не от страха, а от боли. Игорь обернулся. Ветви деревьев, толстые, как канаты, обвивали ноги Паши, таща его вглубь чащи. Он пытался вырваться, но ветви сжимались, врезаясь в плоть.

– Паша! – Игорь бросился к нему, но земля под его ногами разверзлась, и он упал в липкую, пахнущую гнилью темноту.

Он барахтался, чувствуя, как что-то холодное и влажное обвивает его тело. Последнее, что он увидел, был тонкий силуэт девушки, стоящей на краю провала, её глаза светились в темноте зеленоватым, нечеловеческим светом.

– Вы пришли охотиться, – прозвучал в его голове тихий, холодный голос, не исходящий из рта, а звучащий отовсюду сразу. – Что ж. Лес тоже умеет охотиться.

Провал сомкнулся над ним.

Утром следующего дня, если бы кто-то оказался в той части леса, он не нашел бы ни домика, ни следов лагеря, ни каких-либо признаков пребывания людей.

Только вековые деревья, окутанные туманом, и абсолютную тишину, нарушаемую лишь шелестом листвы. Лес снова поглотил своих непрошенных гостей.

А где-то в его сердце, возможно, ждала новая Лесная Нимфа, готовая встретить следующую группу охотников, осмелившихся зайти слишком далеко.

Демон из палаты №9

Егор Петров, известный в определенных кругах, в основном, среди санитаров, как «Синдромник», уже полгода отбывал срок – не тюремный, а больничный.

Палата № 9, вид на обшарпанный тополь за окном, завтрак из серой каши, обед из подозрительного супа, ужин из... ну, неважно.

Важно то, что Егор здесь не потому, что кидался стульями или разговаривал с телевизором. Его проблема была тоньше, но для психиатрии – вполне осязаемой.

Он видел нечисть.

Не крупную, не рогатую и не с копытами. Хотя и такие, говорят, попадаются. Егор видел бытовую нечисть.

Домового, который жил в вентиляции и отборно матерился, когда кто-то не убирал за собой.

Мелких бесов размером с кошку, которые обожали прятать тапочки и переключать каналы, когда ты почти уснул.

Полтергейстов-подростков, хлопающих дверьми просто от скуки.

Врачи кивали, записывали в карточку «стойкие зрительные и слуховые галлюцинации», увеличивали дозу, и Егор давно перестал спорить. Проще согласиться, что ты псих, чем пытаться объяснить санитару, что его ботинок только что утащил бес-клептоман.

Его привычный, хоть и населённый потусторонней мелочью, мир задрожал и пошёл рябью, когда в коридоре появился ОН.

Не просто сгусток энергии или прозрачный силуэт.

Это был мужчина. Высокий, безупречно одетый в нечто, напоминающее очень дорогой, но слегка старомодный костюм, с надменным лицом и глазами, в которых плескалась древняя, скучающая тоска. И от него веяло такой силой, что домовый в вентиляции заткнулся, а бесы мгновенно испарились.

Егор замер, прижимаясь к стене.

– Вот это уже не мелкие бесы. Это что-то совсем другое. – Прошептал перепуганный парень.

Мужчина, не обращая ни на кого внимания, прошествовал мимо палаты № 9, а затем развернулся. Его взгляд, холодный и пронзительный, остановился на Егоре.

– Интересно, – голос прозвучал прямо в голове Егора, бархатный и глубокий, как горное озеро. – Кто-то видит меня. Прямо. Не через завесу безумия, не через страх. Чистое зрение. Впервые за... ух ты! За очень давно.

Это был Асмодей IV. Среднее звено, да, но для психушки – это как приезд президента в провинциальный городок. Он решил отметить свой очередной демонический день рождения максимально оригинально и весело.

А что может быть веселее, чем устроить маленький филиал Ада там, где любое отклонение от нормы спишут на диагноз?

Асмодей приступил к празднованию немедленно.

Сначала тихо.

Медсестра Галина Петровна, известная своей суровостью, вдруг начала пританцовывать, разнося лекарства.

Санитар Игорь, двухметровый бородатый детина, внезапно заговорил тонким голосом и стал приседать, как балерина.

Еда в столовой приобрела невообразимые цвета и запахи – гороховый суп стал фиолетовым и пахнуть жженой резиной, котлеты заблестели, как хромированные.

Персонал был в шоке. Главврач, доктор Иван Сергеевич, хватался за голову.

«Вирус? Массовый психоз? Срочно всем успокоительное!»

Егор наблюдал за этим, сначала с ужасом, потом с каким-то странным восторгом.

Это было реально.

Это не его больное воображение.

И он был единственным, кто знал, почему это происходит.

Асмодей, заметив, что Егор не просто видит, но и понимает, что происходит, снова остановился у его палаты.

– Эй, шизик! – проревел демон, заметив застывшего Егора. – Чего киснешь? Гуляем! Сегодня всё можно!

Егор, хоть и не шизофреник, но и не дурак.

– Всё можно? – осторожно переспросил он.

Асмодей осклабился, обнажив ряд острых зубов.

– Абсолютно всё! Ну что, смертный? – голос в голове звучал игриво. – Хочешь сбежать отсюда? Хочешь, чтобы мир сошёл с ума вместе с тобой? Это только начало. У меня грандиозные планы на этот вечер. Хочу превратить это унылое заведение в настоящий карнавал безумия!

Егор молчал.

– Ты единственный, кто не пытается найти этому научное объяснение, – продолжил демон. – Ты видишь меня. Это редкость. Может, присоединишься? Будешь моим конференсье? Или просто зрителем в первом ряду?

Егора осенило. Усталость. Усталость от ярлыков, от сочувственных взглядов, от бесконечных таблеток. Он знал, что не сумасшедший, но никто ему не верил.

А этот демон...

этот демон не просто верил – он видел, что Егор особенный. Что он живёт с этим даром.

– А что мне за это будет? – наконец спросил Егор вслух.

Асмодей рассмеялся – беззвучно, но Егор почувствовал вибрацию смеха где-то в груди.

– Что угодно! Море веселья! Возможность увидеть, как эти нормальные люди сходят с ума! А главное ты перестанешь быть просто психом. Ты станешь соучастником. Единственным, кто в курсе величайшей мистификации в истории этой богадельни!

Предложение было абсурдным. Опасным. Но для Егора, который полгода жил в мире, где реальность была искажена только для него одного, это было очень соблазнительно. Это был шанс перевернуть игру.

– Хорошо, – кивнул Егор. – Я согласен. Но только... никаких необратимых последствий. И чтобы было действительно весело.

– Договорились! – в глазах Асмодея вспыхнул огонёк азарта. – Твой диагноз – моё лучшее прикрытие. Любую мою выходку спишут на твоё обострение! Гениально!

Демон был явно доволен своим приобретением в лице союзника из психушки. Никогда доселе ему не приходилось так плотно сотрудничать со смертными.

И началось. Егор стал невольным, а потом и вполне сознательным сообщником демона.

Когда Асмодей заставил все кровати в палате № 5 подпрыгивать в унисон, Егор, оказавшись рядом, схватился за голову и закричал.

– Они живые! Они танцуют джигу!

Санитары скрутили его, а прыгающие кровати списали на «массовую истерию, спровоцированную Петровым».

Идеально.

Когда демон устроил в коридоре иллюзию тропического ливня, Егор стоял под ним, блаженно улыбаясь.

– Наконец-то! Свежесть! – бормотал он.

Персонал, промокнув до нитки (для них это был настоящий ливень), лишь обреченно вздыхал.

«Петрову мерещится вода... и нам заодно».

Асмодей наслаждался. Он заставлял картины на стенах подмигивать врачам, включал из ниоткуда оперу на полную громкость во время тихого часа, превращал цветы в вазах в резиновых утят, а однажды устроил концерт – заставил всех пациентов в общей комнате одновременно запеть «Пусть бегут неуклюже». Егор дирижировал.

Граница между галлюцинациями Егора и реальным демоническим беспределом стерлась окончательно. Персонал был на грани нервного срыва, пациенты не понимали, что происходит – то ли у них коллективное обострение, то ли мир сошел с ума.

А Егор...

Егор чувствовал себя как никогда нормальным.

Он был на своём месте.

Он был единственным, кто видел истинное лицо этого абсурда.

День рождения Асмодеев достиг апогея в общей столовой. Демон устроил там настоящий бал хаоса: мебель летала, еда сама собой подавалась (или швырялась), из углов доносились звуки адского оркестра, а персонал и пациенты, под невидимым влиянием, неуклюже вальсировали или бились в припадках неконтролируемого смеха.

Егор сидел на перевернутом стуле, смеясь до слёз.

Рядом с ним, полупрозрачный, стоял Асмодей IV, довольный, как кот, объевшийся сметаны.

– Bravo, смертный, – сказал демон, и Егор услышал это ясно, даже сквозь грохот и смех. – Отличный был день рождения. Ты... интересный. Не такой унылый, как большинство ваших душ.

Хаос начал стихать так же внезапно, как и начался. Мебель опустилась, музыка смолкла, еда вернула свой обычный, непривлекательный вид. Люди замерли, ошарашенные, пытаясь понять, что только что произошло.

Асмодей IV начал таять в воздухе.

– До следующего раза, Егор Петров, – услышал Егор последние слова. – Возможно, я загляну. Если не найду чего-то более захватывающего.

Демон исчез.

Остался Егор, сидящий на перевернутом стуле в затихшей столовой, среди ошарашенных пациентов и дрожащих санитаров.

Главврач Иван Сергеевич, бледный, подошёл к нему.

– Петров... что... что это было?

Егор выпрямился, поправил мятую пижаму. Парень посмотрел на доктора, на санитаров, на других пациентов. Он видел, как домовой выглядывает из вентиляции с выражением крайнего недоумения, как мелкие бесы вылезают из-под столов, осторожно оглядываясь.

– Что было? – Егор улыбнулся. Улыбка была широкой и совершенно искренней. – Обострение, доктор. У меня... сильное обострение сегодня было.

Иван Сергеевич облегченно выдохнул.

– Да-да, конечно. Обострение. Срочно в палату, Петров. И удвоить дозу.

Егор пошёл в свою палату № 9. Мир снова стал «нормальным» для всех, кроме него.

Домовой снова начал тихо ругаться. Бесы принялись искать, чтобы ещё спрятать.

Но теперь Егор знал. Он не просто видит. Он – тот, кто видел и участвовал. Он был единственным в этой психушке, кто провёл день рождения с настоящим демоном.

И это знание было лучше любой таблетки.

Оно делало его безумие не таким одиноким.

И даже немного весёлым. Он лег на кровать, глядя на обшарпанный тополь.

– Эй, домовый, – тихо сказал он. – Ты это видел?

В ответ из вентиляции донеслось невнятное бормотание, в котором, казалось, проскальзывало что-то вроде «ну и денёк...».

Егор улыбнулся.

Да, денёк был то, что надо.

Навязчивые гости

Аркадий, незадачливый колдун, убеждённый интроверт и профессиональный ценитель тишины, ненавидел пятницы.

А пятницы, выпадающие на 13-е число, ненавидел с особой, почти мистической страстью. В этот день, по его глубокому убеждению, открывались порталы не просто в иные миры, а напрямую в самые глубокие слои бытового ада. И ад этот обычно к нему являлся в виде незваных гостей.

В этот раз Аркадий подготовился основательно.

Задраил шторы, выключил телефон, запер дверь на все мыслимые и немыслимые засовы. На столе лежала книга по квантовой физике (отпугивает любую нечисть, кроме, разве что, очень умной), а на диване, свернувшись клубком, спал его кот Мурзик – существо настолько древнее, что, казалось, он помнил ещё динозавров и их нелепые попытки избежать метеоритов.

Ровно в семь вечера раздался звонок. Аркадий вздрогнул.

– Не может быть, – прошептал он. – Я же всё предусмотрел!

Звонок повторился.

И ещё раз.

И ещё.

Настойчиво, требовательно. Трель не утихала и начала сводить с ума.

Мурзик приоткрыл один глаз, лениво потянулся и посмотрел на Аркадия с нескрываемым осуждением.

– Ну что, хозяин, доигрался? – читалось в его взгляде.

Аркадий, поддавшись необъяснимому порыву (или это был просто эффект пятницы 13-го?), подошёл к двери и заглянул в глазок. На площадке стояли ОНИ.

Тётя Зинаида, которую Аркадий не видел лет десять, с огромной сумкой, из которой торчала варёная курица. Рядом с ней – дядя Борис, его двоюродный брат, которого он видел в последний раз на похоронах бабушки, с гитарой и подозрительной улыбкой. И, вишенка на торте – племянник Жора, мальчик лет семи, с глазами, полными неуёмной энергии, и пакетом чипсов.

– Аркаша! – пропела тётя Зинаида, едва он приоткрыл дверь. – А мы тут мимо проезжали, дай, думаем, заглянем! Пятница 13-е, ну как же без родни?

Аркадий открыл дверь, и они вошли. За ними, по полу, пронеслась какая-то тень, и Аркадию показалось, что он слышит легкий, почти неслышный шёпот:

«Добро пожаловать в ад, Аркадий».

Первый час прошёл под девизом «ментальные пытки».

Тётя Зинаида расспрашивала о личной жизни, предлагая познакомиться с «одной замечательной женщиной, ей всего 50, но выглядит на 40».

Дядя Борис брэнчал на гитаре, исполняя песни собственного сочинения про трактора, пшеницу и комбайны.

Жора носился по квартире, пытаясь оторвать обои и нарисовать на стене кота.

Мурзик спрятался под диван, лишь изредка выдавая негодующее «Мррр...».

Второй час принёс новые, пугающие открытия. Еда. Они ели. И ели, и ели. Варёная курица испарилась за десять минут. А за ней последовали Аркадиевы стратегические запасы пельменей, полуфабрикатов, а потом – полхолодильника.

Казалось, их желудки – это чёрные дыры, поглощающие материю без остатка.

– Аркаша, а у тебя еще что-нибудь покушать? – спросила тетя Зинаида, облизывая ложку после шестой порции борща. – А то мы что-то проголодались.

В какой-то момент Аркадий вышел на кухню заварить чай. Вернулся, а они сидят на тех же местах, но их стало больше.

Рядом с дядей Борисом сидел какой-то незнакомый мужик в тельняшке, который рассказывал анекдоты про Чапаева.

Возле тёти Зинаиды появилась пожилая дама с вязанием.

А Жора... Жора клонировался. Теперь их было двое. Оба пытались забраться на люстру.

– Это кто? – в ужасе прошептал Аркадий, чувствуя, как волосы встают дыбом.

– А, это дядя Вася и тётя Галя, – небрежно махнула рукой тетя Зинаида. – Они тоже мимо проезжали.

Поздно вечером стало совсем жутко. Аркадий попытался намекнуть, что пора бы и честь знать.

– Ой, Аркаша, ну куда мы пойдем в такую темень? – вздохнула тетя Зинаида. – А у тебя, кстати, диван очень удобный. Только вот матрас, мне кажется, маловат...

Дядя Борис (теперь их было трое, и все с гитарами) затянул песню про бесконечные поля.

Жоры (их было уже четверо) строили пирамиду из подушек.

Аркадий наконец-то сообразил, что это не просто гости. В виде навязчивых гостей к нему пожаловала бытовая нечисть.

Он вспомнил о Мурзике. Кот, вылезший из-под дивана, сидел на комод, его глаза светились в темноте зелёным огнём.

– Мурзик, – прошептал Аркадий. – Что с ними делать?

Кот лениво моргнул, а затем произнёс голосом, похожим на скрип старого сундука.

– «Паразиты Гостеприимства». Появляются на пятницу 13-е у тех, кто слишком сильно желает одиночества. Они питаются твоим раздражением, твоей отстраненностью. Чем сильнее ты их ненавидишь, тем их больше. И тем дольше они остаются.

– Как их прогнать? – в панике спросил Аркадий.

– Обратное, – прокрипел Мурзик. – Им нужно то, чего они боятся больше всего. Ненависть их питает. Что же их убивает?

Кот прыгнул с комода, подошел к старинному книжному шкафу, который Аркадий никогда не открывал, и лапой ткнул в корешок запыленной книги. «Домашняя магия: От А до Я».

Аркадий дрожащими руками достал книгу. Нашёл нужную главу: «Как избавиться от нежелательных сущностей бытового хаоса».

Там говорилось: «Эти существа, питаясь вашей нелюбовью к общению, становятся сильнее. Единственный способ изгнать их – это искренняя, но невыносимо занудная благодарность, приправленная точным знанием их родословной и планов на будущее».

– Что? – озадаченно прошептал Аркадий.

Мурзик кивнул.

– Давай, хозяин. Вспомни всех их предков. Всех знакомых. Все их скучные истории. И выдай это. С искренней улыбкой.

Аркадий глубоко вдохнул. Он вышел в гостиную, где уже сидело человек пятнадцать.

Дядя Борис с четырьмя гитарами, Жоры, которые теперь строили живую пирамиду до потолка, и тётя Зинаида, которая явно собиралась начать беседу о пенсионной реформе.

– Дорогие мои! – громко начал Аркадий, улыбаясь так, что скулы светились. – Как же я рад вас видеть! Тётя Зинаида, вы не представляете, как я счастлив, что вы приехали! Вы же помните, как ваша прабабушка, Евдокия Петровна, всегда говорила: «Гости – это радость!» А дядя Борис, вы же, помните, рассказывали, что ваш дедушка, Кузьма Иванович, был первым трактористом в районе! А помните, как он, Кузьма Иванович, в 1957 году...

Он говорил. Говорил о тёте Зинаиде, её котах, её соседях, её детстве.

О дяде Борисе, его службе в армии, его коллекции марок, его любимых марках тракторов.

О Жоре, его первом слове, его успехах в детском саду, его планах стать космонавтом.

Он перечислял их родственников до седьмого колена, вспоминал все их анекдоты, их болезни, их рецепты.

Он искренне благодарил каждого за то, что они есть, за то, что пришли, за то, что ели его еду, за то, что дышали его воздухом.

Он даже начал рассказывать о своих планах на пенсию, о том, как он мечтает обзавестись внуками, которых они смогут навещать каждые выходные.

Сначала гости выглядели озадаченно.

Потом – скучающе.

Затем – встревоженно.

Лица их начали бледнеть. Дяди Борисы начали рассыпаться на молекулы, гитары рассыпались в пыль. Жоры с писком исчезали один за другим, оставляя после себя лишь легкий запах чипсов. Тётя Зинаида, попытавшаяся было открыть рот, чтобы рассказать про свою новую знакомую, вдруг позеленела, задрожала и растворилась в воздухе, оставив после себя лишь легкий аромат вареной курицы.

Через полчаса Аркадий стоял посреди абсолютно пустой, но теперь уже очень чистой гостиной. Книга по квантовой физике лежала на месте, диван был нетронут. И даже обои были целы.

На комоде сидел Мурзик. Он посмотрел на Аркадия, затем на часы.

– Поздравляю, хозяин, – проскрипел кот. – Ровно полночь. Пятница 13-е закончилась. А ты выжил. И даже не сошел с ума. Почти.

Аркадий устало опустился на диван. В воздухе ещё витал еле уловимый запах вареной курицы, оливье и тракторного масла.

– Мурзик, – сказал он. – Я никогда больше не открою дверь в пятницу 13-го.

Кот лениво махнул хвостом.

– Посмотрим, хозяин. Посмотрим. В конце концов, в следующем году их будет три.

Аркадий вздрогнул. Но потом улыбнулся. Теперь он знал секрет. И, возможно, даже начал ценить тишину ещё больше. Ведь иногда, чтобы понять, насколько ценно одиночество, нужно пережить нашествие навязчивых гостей – «Паразитов Гостеприимства».

Чернила предков

Илья жил обычной жизнью москвича, но его истинной страстью были путешествия. Не пакетные туры, а самостоятельные погружения в местную культуру и далёкие уголки мира.

Его страстью кроме путешествий были татуировки. Он предпочитал привозить их вместо магнитиков. Его тело – карта его странствий. В каждой стране он находил местного мастера и делал татуировку – символ места, пережитого момента.

На его руках и спине были кельтские узлы из Ирландии, маски из Венеции, японские иероглифы, африканские узоры. Его тело стало живой картой мира.

Его очередная поездка привела его в крошечную, малоизвестную страну где-то в Юго-Восточной Азии, затерянную среди гор и древних руин.

Местные легенды рассказывали о забытых богах и духах, живущих в джунглях.

Илья, всегда ищущий что-то уникальное, услышал о старом мастере, который живёт отшельником и практикует традиционное, почти ритуальное татуирование.

Илья, словно мотылёк, летящий на пламя, всегда был одержим поиском исключительного. Душа его жаждала прикоснуться к тайнам, скрытым от глаз обывателей.

Путь к мастеру оказался полон испытаний. Запутанные тропы, враждебные взгляды местных жителей, предостерегающих от опасности, царящей в сердце леса, не остановили Илью. Он чувствовал, что приближается к чему-то важному, к двери в другой мир, где боль становится красотой, а кожа – холстом для древних сил.

После долгих поисков, через узкие тропы и деревни, он нашел хижину мастера.

Старик, с лицом, испещренным морщинами, как карта неизведанных земель, встретил Илью без слов.

Старик был почти слеп, его руки были покрыты узорами, а глаза казались наполненными древней мудростью и немного безумием. Его глаза словно могли видеть душу, изучали гостя.

Он не говорил на языке Ильи, но понимал его желание. Он показал Илье эскиз – не обычный символ, а сложный, переплетающийся узор, напоминающий корни древнего дерева или спящего змея. От него веяло чем-то чужим, первобытным.

Илья почувствовал лёгкое колебание, но жажда уникальности взяла верх.

Он согласился.

Ритуал начался с наступлением темноты. Под звуки джунглей и пение неизвестных птиц, мастер начал наносить на тело парня замысловатые узоры, используя бамбуковые иглы и чернила, настоянные на травах и корнях.

Процесс был болезненным и долгим, парень с опаской смотрел на примитивные инструменты и чернила, пахнущие травами и землей.

Пока игла входила в кожу, Илья чувствовал странное покалывание, не только физическое, но и энергетическое, будто что-то проникало в него. Каждая точка, каждая линия, казалось, прожигала кожу, открывая каналы для потоков энергии.

Когда татуировка была закончена (на лопатке), она выглядела тёмной и живой.

Мастер пробормотал что-то на своём языке, провёл по узору пальцем и кивнул, словно завершив важный ритуал.

Илья заплатил и ушёл, чувствуя усталость, но и странное удовлетворение от обладания таким необычным сувениром.

Вернувшись в Москву, Илья заметил первые странности. Сначала незначительные:

Он стал просыпаться посреди ночи от ощущения, что за ним наблюдают.

В зеркалах иногда на долю секунды мелькало что-то в отражении – тень, фигура, которой не должно быть.

Вещи стали падать без причины.

Его другие татуировки, обычно спокойные, иногда казались холодными на ощупь, кроме новой – та, наоборот, иногда горела или пульсировала.

Илья списывал это на усталость, смену часовых поясов, стресс от возвращения. Но странности нарастали.

Ночные кошмары стали яркими и пугающими. Ему снились тёмные леса, шёпот на незнакомом языке, ощущение погони.

На улице он стал замечать странные фигуры в периферийном зрении. Они исчезали, стоило ему повернуть голову.

Техника вокруг него стала барахлить – свет мигал, телефоны разряжались быстрее, электроника издавала странные звуки.

Катя, его давняя подруга, заметила, что Илья стал замкнутым, нервным, выглядит изможденным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.